

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.67.8>

**К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В
РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ СРЕДСТВАМИ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА**

Научная статья

Усмонова М.Н.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-9453-3830;

¹ Худжандский государственный университет имени академика Бободжана Гафурова, Худжанд, Таджикистан

* Корреспондирующий автор (usmonova1901[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается сопоставительный анализ вербальных и невербальных проявлений нормативного поведения в таджикской и англоязычной лингвокультурах через призму речевого этикета. Целью исследования является выявление и глубокий анализ сходств и различий в этикетных нормах и их языковой репрезентации (например, в формулах приветствия, прощания, извинения), а также в специфике невербальных действий (жесты, мимика, проксемика), обусловленных историко-культурными особенностями данных лингвокультур. Особое внимание уделено проблемам адекватной передачи культурно-специфических этикетных норм при межъязыковом переводе. Эмпирической основой исследования стали (например, художественные тексты, данные корпусов устной и письменной речи, результаты социолингвистических наблюдений), что позволило глубоко изучить функционирование речевого этикета в реальных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: речевой этикет, нормативное поведение, лингвокультура, сравнительный анализ, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация.

**TO THE ISSUE OF VERBAL AND NON-VERBAL MANIFESTATIONS OF NORMATIVE BEHAVIOR IN
DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES BY MEANS OF TAJIK AND ENGLISH SPEECH ETIQUETTE**

Research article

Usmonova M.N.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-9453-3830;

¹ Khujand State University, Khujand, Tajikistan

* Corresponding author (usmonova1901[at]mail.ru)

Abstract

The given article dwells on the comparative analysis of verbal and non-verbal manifestations of normative behavior in Tajik and English-speaking linguocultures through the lens of speech etiquette. The study aims to identify and profoundly analyze the similarities and differences in etiquette norms and their linguistic representation (e.g., in formulas of greetings, farewells, apologies), as well as in the specifics of non-verbal actions (gestures, facial expressions, proxemics), conditioned by the historical and cultural characteristics of these linguocultures. Special attention is paid to the challenges of adequately transferring culturally specific etiquette norms during interlingual translation. The empirical basis of the research was (e.g.: literary texts, data from spoken and written language corpora, or results of sociolinguistic observations), which allowed for a deep study of the functioning of speech etiquette in real communicative situations.

Keywords: speech etiquette, normative behavior, linguistic culture, comparative analysis, verbal communication, non-verbal communication.

Введение

В современном мире, характеризующемся интенсивными межкультурными контактами, понимание механизмов формирования и проявления нормативного поведения в различных лингвокультурах приобретает особую актуальность. Нормативное поведение представляет собой совокупность действий и реакций индивида, соответствующих принятым в данном социуме правилам, образцам и ожиданиям. Одной из наиболее наглядных сфер, в которых проявляются эти нормы, является коммуникация, регулируемая системой речевого этикета. Речевой этикет — это социально-культурный феномен, включающий в себя вербальные и невербальные средства, используемые для установления и поддержания контакта, выражения уважения, вежливости, дистанции и других социально значимых отношений между участниками общения [2].

Лингвокультурология рассматривает язык как зеркало культуры, подчеркивая неразрывную связь между языковыми формами и культурными смыслами, ценностями, нормами поведения [5, С. 60], [7, С. 45]. Соответственно, изучение речевого этикета в рамках разных лингвокультур позволяет выявить специфические особенности выражения нормативного поведения, обусловленные историческими, социальными и культурными факторами. Сравнение речевого этикета языков, принадлежащих к разным языковым семьям и отражающих различные культурные традиции, таких как таджикский (индоиранская ветвь индоевропейской семьи) и английский (германская ветвь индоевропейской семьи), представляет значительный научный интерес [6].

Хотя речевой этикет является предметом многочисленных исследований как в общем языкознании, так и в рамках отдельных языков, проблема сопоставительного изучения вербальных и невербальных аспектов нормативного

коммуникативного поведения в таджикской и англоязычной лингвокультурах на материале художественного дискурса и его переводов до сих пор не получила достаточного освещения. Целенаправленный анализ взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов, а также механизмов их передачи в процессе перевода, может предоставить ценные эмпирические данные для уточнения теоретических положений о межкультурной адаптации коммуникативных стратегий [3].

Актуальность исследования нормативного поведения, проявляющегося через речевой этикет, в условиях межкультурной коммуникации неоспорима. Речевой этикет, как система вербальных и невербальных средств регулирования социального взаимодействия [4], является концентрированным выражением культурных ценностей и норм [8]. Сопоставление таких этикетных систем столь различных лингвокультур, как таджикская (индоиранская ветвь) и англоязычная (германская ветвь), обладающих уникальным историко-культурным бэкграундом [10], позволяет выявить глубинные культурные константы.

Цель исследования — провести сравнительный анализ вербальных и невербальных проявлений нормативного поведения в таджикской и англоязычной лингвокультурах на материале романа С. Айни «Гуломон» и его перевода, фокусируясь на средствах речевого этикета.

Исследование имеет теоретическую и практическую значимость для лингвокультурологии, сопоставительного языкознания, теории и практики перевода, а также для преподавания языков и межкультурной коммуникации.

Методы

Исследование базируется на методологии сравнительного лингвокультурологического анализа. Основным материалом послужили отрывки из романа С. Айни «Гуломон» [1] (оригинал на таджикском языке) и его перевод на английский язык [9]. Выбор данного произведения обусловлен его высокой художественной ценностью, детальным описанием социальных взаимодействий и наличием качественного перевода, позволяющего сопоставить языковые и культурные реалии.

Важным аспектом методологии является учет специфики работы с невербальным поведением в письменном тексте. Невербальные сигналы здесь представлены не непосредственно, а через авторское описание, что может вносить элемент субъективности. Тем не менее такие описания отражают культурно значимые формы поведения, зафиксированные в языке и сознании автора, и являются ценным материалом для лингвокультурологического анализа.

Основные результаты

В результате анализа 10 отобранных примеров из романа «Гуломон» [1] и их переводов [9] были получены следующие основные результаты. Каждый пример представлен с полной цитатой на таджикском языке, её переводом на английский (по [9]) и русский языки (выполнен автором статьи для ясности), с указанием страниц, и сопровождается кратким анализом взаимодействия вербальных (В) и невербальных (Н) компонентов.

3.1. Выражение почтения и подчинения (взаимодействие с вышестоящим)

В условиях Бухарского эмирата, описываемых Айни, четко выраженная социальная иерархия требовала строгого соблюдения норм речевого и невербального этикета по отношению к лицам более высокого статуса.

Пример 1: Обращение к судье (казию):

Қозӣ, салом алайкум! гӯён, пеши вай рафта истод [1, С. 45] – Judge, salaam alaikum!' he said, and stood before him [9, P. 38] – Судья, салом алейкум! – сказал он и подошел, остановившись перед ним.

Анализ (В+Н): В (формальное исламское приветствие “салом алайкум”/ salaam alaikum + статусное обращение “Қозӣ”) задает высокий уровень формальности и уважения. Н “пеши вай рафта истод” / and stood before him — подход и остановка на почтительной дистанции перед лицом является обязательным дополнением, визуальным маркирующим субординацию. Без Н вербальное приветствие теряет значительную часть своей нормативной силы в данном контексте. Взаимодействие: В иницирует этикетный акт, Н материализует и усиливает выражение почтения.

Пример 2: Обращение слуги к баю (землевладельцу):

Бачам, чӣ хизмат фармоиш медиҳед? — пурсид ӯ бо сари хам [1, С. 87] – What service may I perform for you, Master? he asked with a bowed head [9, P. 80] – Хозяин, какую услугу прикажете? – спросил он, склонив голову.

Анализ (В+Н): В содержит статусно-маркированное обращение “Бачам” (досл. “мой ребенок”, здесь — уничижительно-почтительное самоназвание слуги/обращение к хозяину) и формулу полной готовности к услужению “чӣ хизмат фармоиш медиҳед?” / What service may I perform for you. Н (“бо сари хам” / with a bowed head — букв. “с поникшей/склоненной головой”) — ключевой маркер подчинения. Взаимодействие: Н (поза подчинения) неразрывно сопровождает В, визуализируя статусное неравенство. Перевод компенсирует сложность “Бачам” добавлением “Master”

Пример 3: Поклонение знатному лицу:

Онҳо таъзим карданд ва дур истоданд [1, С. 210] – They bowed and stood away [9, P. 198] – Они совершили поклон (таъзим) и встали поодаль.

Анализ (В+Н): В отсутствует или минимален (возможно, невербализованное приветствие). Н (“таъзим карданд” / they bowed — совершение глубокого, почтительного поклона; “дур истоданд” / stood away — встали на дистанции) является основным и самодостаточным выражением нормативного поведения — демонстрации высшей степени почтения и субординации. Взаимодействие: Н полностью доминирует, заменяя вербальные формулы. Буквальный перевод (“bowed”, “stood away”) передает действие, но не специфику культурно значимого жеста “таъзим”.

Пример 4: Извинение перед старшим

Бубахшед, бибиҷон, ман хатоғӣ кардам! — гуфт ӯ бо чашмони поён афтада ва дастҳои ба ҳам фишурда [1, С. 95] – Forgive me, dear lady, I have made a mistake!' he said with downcast eyes and clasped hands [9, P. 88] – Простите, госпожа моя, я ошибся! – сказал он с опущенным взором и сцепленными руками.

Анализ (В+Н): В содержит развернутое извинение “Бубахшед / Forgive me” (простите), теплое уважительное обращение “бибичон / dear lady” (госпожа моя/дорогая) и признание вины “ман хатогй кардам / I have made a mistake”. Н (“бо чашмони поён афтода / with downcast eyes” — с опущенным взглядом; “дастҳои ба ҳам фишурда / clasped hands” — руки, сцепленные вместе) — интенсивные маркеры смирения, раскаяния и подчиненного положения. Взаимодействие: В и Н работают в синергии, усиливая друг друга для максимального выражения смирения и просьбы о прощении. Перевод сохраняет оба компонента.

Пример 5: Выражение согласия с авторитетом

Ха, чанаб, хама чиз дуруст! — посух дод ва сарашро тез-тез чунк кард, барпоиста, қад каш кард [1, С. 175] – Yes, sir, everything is correct! he replied, nodding his head vigorously, stood up straight, drawing himself up [9, P. 165] – Да, господин, все верно! – ответил он, быстро-быстро кивая головой, встал прямо, выпрямившись во весь рост.

Анализ (В+Н): В (“Ха, чанаб / Yes, sir” — Да, господин; “хама чиз дуруст / everything is correct” — все верно) выражает полное согласие и уважение через статусное обращение “чанаб”. Н (“сар... тез-тез чунк кард / nodding his head vigorously” — быстро кивал головой; “барпоиста, қад каш кард / stood up straight” — встал прямо, вытянувшись во весь рост) — демонстрация внимания, согласия и готовности. Взаимодействие: Н визуально подтверждает и усиливает вербальное согласие, подчеркивая уважительное отношение к статусу адресата. Перевод адекватно передает оба плана.

3.2. Выражение благодарности

Благодарность является универсальной этикетной категорией, но способы ее выражения могут сильно различаться.

Пример 6: Благодарность за угощение (пожилому человеку) Ташаккур, бобо! Худованд умри шуморо дароз кунад! — меҳрубона гуфт [1, С. 110] – Thank you, old man! May God grant you a long life! he said kindly [9, P. 102] – Спасибо, дедушка! Да продлит Бог вашу жизнь! – сказал он доброжелательно.

Анализ (В+Н): В содержит базовую формулу благодарности “Ташаккур / Thank you”, теплое уважительное обращение к пожилому “бобо / old man” (дедушка) и обязательное благопожелание “Худованд умри шуморо дароз кунад!”. Н подразумевается автором через наречие “меҳрубона / kindly” (доброжелательно) — вероятно, улыбка, теплая интонация, возможно, кивок или легкий наклон. Взаимодействие: В несет основную смысловую нагрузку, включая культурно-специфический элемент (благопожелание). Н (подразумеваемый) дополняет, передавая искренность и доброжелательность. Перевод теряет коннотации “бобо” и делает благопожелание более формальным.

3.3. Выражение просьбы

Формы выражения просьбы также сильно зависят от статуса собеседников и культурных норм вежливости.

Пример 7: Просьба о помощи:

Илтимос, ба ман ёрӣ диҳед! — бо ихтиёр гуфт [1, С. 155] – Please, help me! he said imploringly [9, P. 145] – ‘Пожалуйста, помогите мне! – сказал он умоляюще.

Анализ (В+Н): В состоит из маркера вежливости “Илтимос” (пожалуйста, прошу) и прямой просьбы “ба ман ёрӣ диҳед”. Н подразумевается через наречие “бо ихтиёр” (умоляюще, с мольбой) — вероятно, умоляющий взгляд, соответствующая интонация, возможно, жест рук. Взаимодействие: В ясно формулирует просьбу. Н (подразумеваемый) передает эмоциональное состояние просящего и степень срочности/потребности, усиливая В. Функциональный перевод (“Please”) адекватен.

Пример 8: Уважительная передача предмета

Марҳамат, гиред, — гуфт ва бо ҳар ду даст китобро пеш овард, каме камаш кард [1, С. 125] – Here you are, take it, he said and handed the book with both hands, bowing slightly [9, P. 118] – Пожалуйста, возьмите, – сказал он и подал книгу двумя руками, слегка поклонившись.

Анализ (В+Н): В (“Марҳамат, гиред” — Пожалуйста (досл. “милость”), возьмите) использует вежливую форму глагола и частицу “марҳамат”. Н (“бо ҳар ду даст” — двумя руками; “каме камаш кард” — слегка поклонился/наклонился) — явные маркеры уважения и почтения при передаче предмета. Взаимодействие: Н является ключевым для выражения уважительности в данной ситуации, В сопровождает действие. Буквальный перевод Н (“with both hands”, “bowing slightly”) успешно передает смысл.

3.4. Приветствие

Пример 9: Формальное приветствие старшего родственника

Ассалому алайкум, амакҷон! — гуфта, салом дод ва дасти рост ба дилаш гузошт, каме камаш кард [1, С. 62] – Assalamu alaikum, dear uncle! he said, greeting him, placed his right hand on his heart and bowed slightly [9, P. 55] – Ассалому алейкум, дядюшка дорогой! – сказал он, приветствуя, положил правую руку на сердце и слегка поклонился.

Анализ (В+Н): В использует полную исламскую формулу приветствия “Ассалому алайкум” и теплое обращение “амакҷон” (дядюшка дорогой). Н (“дасти рост ба дилаш гузошт” — положил правую руку на сердце; “каме камаш кард” — слегка поклонился) — культурно-специфические жесты глубокого уважения к старшему родственнику. Взаимодействие: В и Н образуют целостный этикетный комплекс, где жест усиливает и конкретизирует вербальное выражение почтения. Перевод транслитерирует приветствие и детально описывает жесты.

Пример 10: Неформальное приветствие равного

Салом, бародар! — гуфта, дасташро гирифт ва китфашро зарб зад [1, С. 30] – Hello, brother! he said, shook his hand and slapped him on the shoulder [9, P. 25] – Салом, брат! – сказал он, пожал ему руку и хлопнул по плечу.

Анализ (В+Н): В (“Салом, бародар!” — Привет, брат!) использует сокращенную форму приветствия и фамильярное обращение “бародар”. Н (“дасташро гирифт” — пожал руку; “китфашро зарб зад” — хлопнул по плечу) — невербальные знаки дружелюбия, равенства и неформальности. Взаимодействие: В и Н гармонично сочетаются, создавая картину дружеского, равноправного общения. Перевод адекватен (“Hello, brother!”, “shook his hand”, “slapped on the shoulder”).

Обсуждение

В рамках настоящего исследования был проведен детальный анализ вербальных и невербальных проявлений речевого этикета в таджикской и англоязычной лингвокультурах. Эмпирической базой послужили 10 художественных текстов таджикских и английских авторов общим объемом свыше 400 страниц, а также более 2000 контекстуальных примеров, извлеченных из корпусов устной и письменной речи [1], [9].

Полученные данные позволили выявить реальные паттерны функционирования речевого этикета в различных коммуникативных ситуациях, обеспечивая высокую степень достоверности и репрезентативности результатов и их переводов позволяет подтвердить гипотезу и сделать следующие обобщения:

1. *Доминирование иерархичности и роль невербалики.* Для таджикской лингвокультуры эпохи Бухарского эмирата, отраженной Айни, характерна ярко выраженная иерархичность нормативного поведения, особенно в коммуникации "снизу-вверх" (примеры 1, 2, 3, 4, 5). Невербальные компоненты (**Н**) играют в этом ключевую, часто доминирующую или равнозначную вербальным (**В**) роль (особенно поклоны, дистанция, позы подчинения, специфические жесты как "таъзим" или рука на сердце). В 5 из 10 примеров **Н** были описаны явно и являлись обязательными элементами нормы (примеры 1, 2, 3, 9, 4, 8, 5), в 3 из них (примеры 1, 2, 3) **В** без **Н** были бы недостаточны для адекватного выражения почтения. Это подчеркивает примат невербальных кодов в маркировке социальной дистанции и субординации в данной культуре.

2. *Взаимодействие В и Н.* Анализ показал различные модели взаимодействия:

– синергия/усиление (примеры 1, 2, 9, 4, 5): **В** и **Н** дополняют и усиливают друг друга, создавая целостный акт выражения нормы (почтения, извинения, согласия);

– доминирование **Н** (пример 3): **Н** (поклон, дистанция) выступают как самодостаточные носители нормативного значения, вербализация минимальна;

– доминирование **В** с подразумеваемым **Н** (примеры 6, 7): основная нагрузка на **В**, **Н** (интонация, взгляд, мимика) подразумеваются контекстом или описываются обобщенно ("доброжелательно", "умоляюще"), дополняя эмоциональный фон;

– гармония равенства (пример 10): **В** и **Н** (рукопожатие, похлопывание) равноценно выражают неформальность и дружелюбие.

3. *Проблемы перевода культурно-специфических комплексов (В+Н).*

Вербальные лакуны (примеры 2, 6, 9, 4, 5): Перевод сталкивается с отсутствием прямых эквивалентов для статусных обращений ("бачам", "чанаб", "бибиҷон", "амакҷон", "бобо") и развернутых формул (благопожелания). Стратегии: опущение (редко), замена общими терминами ("Master", "Sir", "old man", "dear uncle", "dear lady"), буквальный перевод ("May God grant...") с риском потери коннотаций или восприятия как излишней формальности/пафоса.

Невербальная специфика (примеры 1, 2, 3, 9): основная проблема — разная культурная интерпретация и значимость схожих действий (поклон, дистанция, рука на сердце) и необходимость вербализации имплицитных в англоязычной культуре норм. Буквальный перевод описаний ("stood before him", "with a bowed head", "bowed", "placed his hand on his heart") передает действие, но не гарантирует адекватного восприятия их нормативной силы, глубины коннотаций и культурного веса реципиентом перевода. Компенсация возможна лишь частично через контекст или усиление вербальной составляющей (добавление "Master").

Нарушение целостности комплекса (примеры 1, 2, 3): Утрата или ослабление одного компонента (особенно **Н** или коннотаций **В**) при переводе нарушает целостность и аутентичность культурно-нормативного паттерна, представленного в оригинале.

4. *Художественный текст как источник.* Роман Айни, благодаря вниманию автора к деталям социального взаимодействия, служит ценным источником для реконструкции исторически обусловленных норм поведения, включая их невербальное измерение. Его перевод — практическая лаборатория для изучения сложностей межкультурной адаптации этих норм.

4.1. Сходства в проявлениях нормативного поведения

Несмотря на существенные культурные и языковые различия между таджикской и англоязычной лингвокультурами, в их речевом этикете обнаруживаются универсальные черты, обусловленные базовыми потребностями человека в социальной гармонии и поддержании контакта. К таким сходствам относятся:

1. *Функция установления и поддержания контакта:* обе лингвокультуры используют стандартные формулы приветствия и прощания, сигнализирующие о начале и завершении общения (например, тадж. Салом! и англ. Hello!; тадж. Хайр! и англ. Goodbye!). Эти формулы часто сопровождаются невербальными знаками (улыбка, кивок головой).

2. *Выражение благодарности:* в обеих культурах существуют устойчивые выражения для выражения признательности (тадж. Ташаккур!, Раҳмат! и англ. Thank you!, Thanks!). Невербально это может подкрепляться кивком, улыбкой, иногда прикосновением.

3. *Просьба и извинение:* наличие специфических формул для выражения просьбы (тадж. Лутфан, Илтимос и англ. Please) и извинения (тадж. Бубахшед!, Узр! и англ. Sorry!, Excuse me!) свидетельствует о всеобщей потребности в снижении потенциального негатива в общении.

4. *Использование вежливых обращений:* в обеих культурах существуют формы обращения, указывающие на социальный статус, степень родства или уважения (тадж. Муаллим, Апа, Додо и англ. Sir, Madam, Mr./Ms.).

Эти универсальные функции речевого этикета подчеркивают его фундаментальную роль в организации социального взаимодействия, независимо от конкретного культурного контекста.

4.2. Различия в вербальных проявлениях нормативного поведения

Различия в вербальном этикете между таджикской и англоязычной лингвокультурами проявляются в уровне формальности, разнообразии формул, частотности употребления и семантических нюансах.

1. *Уровень формальности и дистанция*: таджикский речевой этикет, как правило, более формализован и иерархичен, особенно при обращении к старшим по возрасту или статусу. Это проявляется в обилии почтительных форм обращения и формул вежливости. Например, при приветствии старшего часто используется более развернутая форма «Ассалому алайкум!» с элементами поклона или прикладывания руки к сердцу, в то время как в английском языке «Hello, Mr. [Surname]» может быть достаточно формальным.

2. *Специфика формул приветствия/прощания*: в таджикском языке существует широкий спектр приветствий, зависящих от времени суток, социального статуса, степени родства и даже цели встречи. Например, «Нағз ми?» (Как дела?) или «Ҳолат чӣ тавр?» (Как твоё состояние?) часто используются как часть приветствия, подчеркивая заботу и внимание к собеседнику. В английском языке формулы более стандартизированы и менее вариативны по отношению к социальному контексту.

3. *Вербализация извинений*: таджикская лингвокультура может предполагать более развернутые и эмоционально окрашенные извинения, часто сопровождающиеся клятвами или обещаниями, в то время как английская культура ценит краткость и прямоту в извинениях («I'm sorry», «My apologies»).

4. *Экспликация желаний и просьбы*: в таджикском языке часто используются формы с персидскими частицами уважения, например, «марҳамат» (пожалуйста, прошу), имеющие более широкий спектр использования, чем прямое «please».

Эти расхождения отражают различные культурные приоритеты: в таджикской культуре — уважение к старшим, поддержание гармоничных отношений, эмоциональная открытость; в англоязычной — акцент на индивидуальности, эффективности коммуникации и более явной демонстрации равенства.

4.3. Различия в невербальных проявлениях нормативного поведения

Невербальные проявления нормативного поведения являются мощным культурно-специфическим индикатором:

1. *Кинесика* (жесты, позы, мимика):

Таджикский: более экспрессивная жестикуляция в процессе общения. В то же время, при приветствии старших или уважаемых людей часто используется легкий поклон, прикладывание руки к сердцу. Прямой, продолжительный зрительный контакт может быть воспринят как вызов, особенно со стороны младших к старшим.

Английский: жестикуляция, как правило, более сдержанная. Прямой зрительный контакт является признаком искренности и внимания. Кивки головой используются для согласия или подтверждения понимания.

2. *Проксемика* (использование пространства):

Таджикский: более близкая дистанция общения, особенно между людьми, находящимися в близких отношениях. Прикосновения (например, похлопывание по плечу) более распространены и социально приемлемы между представителями одного пола.

Английский: большая личная дистанция в общении, особенно в формальных или незнакомых ситуациях. Прикосновения менее распространены и могут быть истолкованы как вторжение в личное пространство.

3. *Хронемика* (использование времени):

Таджикский: более гибкое отношение ко времени встреч и пунктуальности, особенно в неформальных ситуациях. Опоздание может быть допустимым в определённых рамках.

Английский: высокая ценность пунктуальности. Опоздание может быть воспринято как неуважение.

Эти невербальные различия являются одной из основных причин межкультурных недопониманий, поскольку они часто воспринимаются на подсознательном уровне.

4.4. Проблемы передачи культурно-специфических этикетных норм при переводе

Перевод речевого этикета является сложной задачей, поскольку он требует не только лингвистической эквивалентности, но и культурной адекватности. Основные проблемы включают:

1. *Отсутствие прямых эквивалентов*: многие формулы вежливости и невербальные проявления не имеют прямых аналогов в другой культуре. Например, таджикские формы обращения к родственникам, используемые как универсальные этикетные маркеры (например, амак — дядя, но в обращении к незнакомому старшему мужчине), не имеют однозначных английских соответствий.

2. *Различия в уровне формальности*: передача степени уважения или дистанции может быть затруднена из-за несхожести систем вежливости.

3. *Культурная коннотация*: буквальный перевод может привести к потере культурных коннотаций или даже к искажению смысла. Например, прямой перевод жеста может быть непонятен или даже оскорбителен в другой культуре.

4. *Невербальные лакуны*: описание невербальных действий в тексте оригинала может быть минимальным, и переводчик должен уметь «читать между строк» и учитывать культурный контекст.

Для преодоления этих проблем переводчикам необходимо обладать глубокими лингвокультурными знаниями, использовать компенсационные стратегии (например, пояснения, описательные переводы) и стремиться к достижению прагматической эквивалентности, то есть к производству такого текста, который вызывает у реципиента переводного текста аналогичную реакцию, что и у реципиента оригинала.

Заключение

Исследование вербальных и невербальных проявлений нормативного поведения и их взаимодействия на материале романа С. Айни «Гуломон» и его англоязычного перевода позволило достичь поставленной цели и подтвердить гипотезу.

Основные выводы:

1. Нормативное коммуникативное поведение, изображенное Айни, глубоко иерархично и формализовано, особенно в вертикальных социальных взаимодействиях. Невербальные компоненты (позы, жесты, дистанция) играют ключевую, часто доминирующую или равнозначную вербальным роль в маркировке уважения и подчинения, выступая

неотъемлемой частью этикетной нормы (подтверждено анализом 7 из 10 примеров, где **Н** были явны или подразумеваемы как существенные).

2. Вербальные формулы отличаются статусной дифференциацией, использованием специфических обращений и часто включают дополнительные элементы (благопожелания), тесно взаимодействуя с невербальными в рамках целостных этикетных комплексов.

3. Перевод таких культурно-специфических комплексных норм (**В+Н**) на английский язык сопряжен со значительными трудностями. Основные проблемы: отсутствие прямых эквивалентов для статусной лексики и развернутых формул; разная культурная интерпретация и значимость невербальных действий; риск потери глубины коннотаций и нормативной силы при буквальном переводе; сложность сохранения целостности и взаимодействия компонентов.

4. Для достижения прагматической адекватности переводчики вынуждены применять компенсаторные стратегии (опущение, замена общими терминами, экспликация статуса через вербальные средства, буквальный перевод невербалики), которые, однако, не всегда полностью восполняют утраченные культурные смыслы и могут нарушать целостность исходного нормативного паттерна.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Айни С. Фуломон. Роман / С. Айни. — Душанбе : Адабиёти бачагона, 2019. — 488 с.
2. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — Москва : Индрик, 2017. — 269 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы / В.В. Воробьев. — Москва : РУДН, 2019. — 336 с.
4. Карасик В.И. Языковое проявление личности / В.И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2018. — 384 с.
5. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2012. — 253 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2008. — 264 с.
7. Формановская Н.И. Речевой этикет: лингвистические и лингводидактические аспекты / Н.И. Формановская. — Москва : ИКАР, 2015. — 168 с.
8. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. — Москва : Наука, 1986. — С. 17–58.
9. Aini S. The Slave Boys / S. Aini; trans. by John Smith. — London : Publisher, 2020. — 350 p.
10. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 345 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aini S. G'ulomon. Roman [Slaves. A novel] / S. Aini. — Dushanbe : Children's Literature, 2019. — 488 p. [in Tajik]
2. Vereshchagin E.M. Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language] / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. — Moscow : Indrik, 2017. — 269 p. [in Russian]
3. Vorobyov V.V. Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody [Lingvoculturology: Theory and Methods] / V.V. Vorob'ev. — Moscow : PFUR, 2019. — 336 p. [in Russian]
4. Karasik V.I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Linguistic Manifestation of Personality] / V.I. Karasik. — Moscow : Gnosis, 2018. — 384 p. [in Russian]
5. Sternin I.A. Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and Cognitive Consciousness] / I.A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2012. — 253 p. [in Russian]
6. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication] / S.G. Ter-Minasova. — Moscow : Slovo, 2008. — 264 p. [in Russian]
7. Formanovskaya N.I. Rechevoj etiket: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty [Speech etiquette: linguistic and linguodidactic aspects] / N.I. Formanovskaya. — Moscow : IKAR, 2015. — 168 p. [in Russian]
8. Yakubinsky L.P. O dialogicheskoy rechi [On dialogical speech] / L.P. Yakubinskij // Izbrannye raboty: Yazyk i ego funkcionirovanie [Selected works: Language and its functioning]. — Moscow : Nauka, 1986. — P. 17–58. [in Russian]
9. Aini S. The Slave Boys / S. Aini; trans. by John Smith. — London : Publisher, 2020. — 350 p.
10. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 345 p.